

ИЕРОМОНАХ
ТИХОН
(БАРСУКОВ)

АРХИЕРЕЙ

КЛАССИКА РУССКОЙ
ДУХОВНОЙ ПРОЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
«НИКЕЯ»

Классика русской духовной прозы

Иеромонах Тихон (Барсуков)

Архиерей

«Никея»

2015

УДК 821.161.1
ББК 86.372+84(2Рос=Рус)1

(Барсуков) И.

Архиерей / И. (Барсуков) — «Никея», 2015 — (Классика русской духовной прозы)

Желая приблизить архиерейское служение к духу Евангельского учения, главный герой книги совершает своего рода переворот в своей епархии. Он не зачитывает доклады, а проводит живые беседы со священниками, отказывается от архиерейских привилегий – кареты, швейцара. Он прост в обращении и принимает искреннее участие в жизни своих чад. Книга написана на рубеже XIX–XX веков. В свое время она поддержала многих людей, помогла им обрести смысл жизни и утвердиться в вере. И сегодня, несмотря на внешнее различие эпох, она звучит не менее актуально.

УДК 821.161.1
ББК 86.372+84(2Рос=Рус)1

© (Барсуков) И., 2015
© Никея, 2015

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	7
Глава вторая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Иеромонах Тихон (Барсуков)

Архиерей

*Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской
Православной Церкви ИС Р14-410-1053*

Предисловие

Забывтый писатель

Услышав название этой книги, читатели, возможно, вспомнят об одноименном рассказе А. П. Чехова. Но это совсем другая повесть. Ее автор надежно и незаслуженно забыт, а сам феномен забвения достоин особого внимания: почему так случилось?

Возможный ответ мы найдем в тексте произведения, в исполненном огненного вдохновения монологе архиерея о «язве» – источнике болезней, смерти, ошибок, заблуждений и печального беспамятства в жизни людей. «Язва», будучи следствием грехопадения, сеет разрушение в человеческих умах и сердцах. Нельзя не вспомнить и слова А. С. Пушкина из «Путешествия в Арзрум»: «Замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны». Возможно, именно эта «язва» лени, равнодушия и явилась причиной забвения иеромонаха Тихона (Барсукова).

Главная тема повести – пастырство как творческое горение духа. Истинный пастырь, по мнению автора, не должен испытывать боязнь за дело Христово в мире, не должен сомневаться в достижимости христианского идеала. Желая приблизить архиерейское служение к духу евангельского учения, герой повести совершает своего рода «переворот» в своей епархии. Он не зачитывает «доклады», а проводит живые беседы со священниками, подчас затягивающиеся далеко за полночь. Он отказывается от архиерейских привилегий – кареты, швейцара... Он прост в обращении и принимает искреннее участие в жизни своих «детей». Владыка даже кладет конец миссионерским беседам со старообрядцами: «Идите же и спасайте людей. Сможете это сделать – значит, и у вас есть сила Божия и ваша иерархия благодатна. А тогда нам остается только подать друг другу руки, чтобы дружнее взяться за совместную работу, за великое дело возрождения и обновления людей. Если не сможете и увидите спасающихся у нас, не упорствуйте: идите к нам...»

Многие из поучений главного героя повести хочется цитировать, обсуждать. Актуально звучат его рассуждения о пагубном превращении Таинств в «культ», веры – в «угождение» Богу, о естественных науках как «лепете деревенского ребенка о своей хате, который скептически относится к рассказам городского дяденьки и считает невозможным существование дворцов».

Время действия в книге – период между двух революций начала XX века. Именно тогда стали появляться новые проекты преобразования общества, в том числе атеистические. Говорилось о них и в литературе. Образы ночлежников в повести «Архиерей» напоминают героев пьесы М. Горького «На дне». Как будто в противовес идеям М. Горького, отвергавшего Евангелие ради мнимой правды «гордого» и «свободного» человека, иеромонах Тихон (Барсуков) вместе со своим героем призывает нищих, опустившихся бродяг вернуться ко Христу. Он убежден, что исцелить греховные язвы человечества могут только Иисус Христос и Его соратники, продолжатели апостольского служения.

Для Русской Церкви начало XX века было временем подготовки к Поместному Собору 1918 года, движения к литургическому возрождению. Вот почему так вдохновенно звучат слова владыки о Таинстве Святого Причащения: «Нужно только прийти к Нему. И приходя-

щего ко Мне не изгону вон. Приходите еженедельно, ежедневно. Приходите без кощунства. Соединяйтесь со Христом теснее, так, чтобы Тело и Кровь Его вошли у вас во все ваши суставы, во утробу, в сердце; и мало-помалу у вас явятся силы творить добро. Идите дальше, и вы увидите, как легко делать то, что раньше вам казалось недостижимым, неосуществимым. Продолжайте дальше, и станете подобными апостолам. Еще дальше – и “больше сих узрите”».

Светлана Мартьянова

Глава первая

Отец Павел сидел на палубе парохода и пил... Стоявшая перед ним на столике бутылка водки была уже выпита почти до дна. Пил отец Павел без закуски, глотая рюмку за рюмкой, через более или менее значительные промежутки времени. Он пил с ожесточением и как бы подчеркивал свое времяпрепровождение: «Нате, мол, православные, любуйтесь на своего пас-тыря...» К православным отец Павел относил всех пароходных пассажиров, из которых многие начали уже опасливо поглядывать на батюшку и предусмотрительно отыскивали глазами капи-тана парохода. Некоторые маменьки брали на руки своих детишек, резвившихся на палубе, и под деликатным предлогом отводили их подальше от столика, за которым сидел батюшка. Отец Павел замечал отношение к себе публики, но не думал смириться, наоборот, всячески старался показать свое полнейшее к ней равнодушие. Особенно хотелось отцу Павлу выра-зить свое презрение одной духовной особе, спокойно гулявшей в числе прочих пассажиров по палубе и, видимо, любовавшейся картинами волжских берегов. Величаяя осанка, уверенная поступь, красивые движения этой особы прямо-таки претили отцу Павлу. Лица того батюшки отец Павел не успел рассмотреть. Батюшка держался вдали и только раза два мельком вполу-оборот взглянул на отца Павла. «И чем только гордится человек, – подумал отец Павел, – ведь такой же священник, как и я, только что в городе, может быть, служит да казенного жалованья тысячи две получает. При этакой жизни и мы сумеем пофорсить... Поставить бы тебя на мое место, посмотрел бы тогда я на тебя, а поди-ка: как будто архиерей какой». Отцу Павлу еще горше стало от этих дум. Досада на «величавого батюшку» разгоралась. Он схватил рюмку, залпом влил ее себе прямо в горло и по-мужицки сплюнул на пол так энергично, что и без того едва державшаяся на голове шляпа упала к ногам. Отец Павел и не подумал поднять ее, он грузно облокотился на столик локтями и ословелыми глазами уставился на публику. В это время батюшка повернулся и тихой поступью направился в сторону отца Павла. Отцу Павлу почему-то показалось, что батюшка идет прямо к нему. Не поворачивая головы, он стал прислушиваться к приближающимся шагам батюшки, к тихому шелесту его шелковой рясы. Вот он уже совсем близко от него. Отцу Павлу захотелось сделать какую-нибудь неприятность этому батюшке, сказать какую-нибудь колкость, поставить его в неловкое положение.

– Отец! А отец! – обратился он к поравнявшемуся с ним батюшке и насмешливо уста-вился на него. – Не хочешь ли водочки?

Батюшка остановился, посмотрел на полупьяного отца Павла и улыбнулся.

– Спасибо, родимый, я не пью.

Взглянув затем на пол, батюшка наклонился, поднял валявшуюся шляпу отца Павла, бережно расправил ее и, положив на столик, сам сел рядом с отцом Павлом.

Отец Павел такого не ожидал. Он подумал, что чистенький батюшка ответит на его выходку презрительным взглядом и поскорей постарается пройти мимо него, а он – отец Павел – расхохочется ему вслед. Поступок батюшки обезоружил его. Отцу Павлу стало неловко. Мысль, что он оскорбил доброго человека, смутила его. Желая как-нибудь отделаться от чув-ства неловкости и сгладить резкость своей выходки, отец Павел счел за лучшее продолжать разговор, перейдя от насмешливого к развязному тону полупьяного человека.

– Ты откуда же будешь? – спросил он подсевшего к нему батюшку и исподлобья взглянул на него.

Батюшка поправил полу рясы, сел поудобнее и, повернувшись лицом к отцу Павлу, начал спокойным ровным голосом:

– Я – издалека... Еду вот и люблюсь матушкой Волгой. Какая у вас здесь благодать, какой простор. А жизни-то, жизни сколько, так и бьет ключом! Сколько народу, сколько товаров всяких, какое движение: одних пассажирских пароходов не пересчитаешь сколько. Да, когда

вот своими глазами увидишь все, тогда только поймешь, почему наш народ прозвал Волгу поилицей и кормилицей, почему он так любит ее, поет о ней в своих песнях и грустит по ней, закинутый в чужую сторону. Действительно, великая река.

– Да, уж известно, – поддакнул отец Павел.

Родившись и выросши на берегах Волги, отец Павел любил свою родную реку и, как истинный волжанин, гордился ею. Похвала Волге чужестранца-батюшки понравилась ему. От прежней беспричинной досады на этого батюшку у него не осталось и следа, и он уже с большей охотой стал прислушиваться к его словам.

– Много богатства всякого здесь у вас, – продолжал между тем батюшка, – но много горя... много слез и нужды безысходной. Но это еще не велика нужда. Мне пришлось наблюдать жизнь одного народца на окраине нашего отечества. Живет он куда беднее многих наших крестьян. Ходит почти в лохмотьях, дома ест только ячменный или кукурузный хлеб, да и то не досыта, а как посмотришь на него – молодец к молодцу: все как на подбор. Стройная походка и такой гордый вид, словно не лохмотья он носит на себе, а по крайней мере генеральский мундир. Подумаешь, что нет у него ни горя, ни забот, и никакая нужда ему неведома. Так вот, не в бедности беда и не в горе. Беда в том, что не умеет наш русский народ бороться с горем, с бедой. Нагрянет на него беда, он или заставится от нее терпением и тут иной раз обнаружит действительно железное терпение, или взбунтуется, тоже уж без всяких границ, а чаще всего старается только отделаться как-нибудь от горя, заглушить его, заглушить, залить. Точь-в-точь вот как вы. Вас горе постигло, а вы, вместо того чтобы бороться с ним, раздосадовались и запили... и к одному горю хотите приложить еще и другое.

Отец Павел удивленно посмотрел на батюшку. «Откуда же он знает, что я пью с горя?» – мелькнуло у него в голове.

– А между тем, – батюшка положил свою руку на плечо отца Павла и шутливо постучал по нему, – посмотрите-ка, какая у вас мощь... экие широкие, богатырские плечи... да с такими силами не только свое горе, а еще и чужого сколько можно унести...

Чем-то бодрым пахло на отца Павла. С удовольствием вспомнил он, как крестьяне его села, его прихожане, говаривали про него, что супротив нашего батюшки во всем селе работника не найти.

– Вот еще черта русского характера, – как бы размышляя сам с собой, продолжал батюшка, – постигнет человека горе, и носится он с ним и уже ничего и знать не хочет, и не подумает о том, что у другого может быть еще большее горе. Любим мы своим горем застилать сердце и не замечаем, что, носясь со своим горем, мы другим горя подбавляем. Как вот вы, например.

– Кому же я-то горе доставляю? – с недоумением спросил отец Павел.

– Как – кому? Вот вы сидите и пьете, свое горе заливаете, а вот о том человеке, вероятно, и не подумали... Вон тот господин, что на том конце на скамеечке сидит. Сейчас мы проезжали село, там церковь показалась. Этот господин снял шапку и набожно перекрестился – есть, значит, у него еще в сердце вера в Бога. Ну а теперь скажите, не больно ли ему видеть пастыря церкви вот за таким занятием?

Отец Павел смущенно покосился на стоящую перед ним бутылку водки, а батюшка позвонил и велел пришедшему на звонок официанту убрать бутылку и рюмку. Отец Павел не протестовал и только, как бы оправдываясь уже, заговорил:

– Да ведь обида-то у меня большая, с горя и пью, это вы верно, отец, сказали.

– А вы расскажите-ка лучше свое горе, поделитесь со мной по-братски, может быть, оно и не таким тяжелым покажется. Высказанное горе – полгоря.

Отец Павел и сам уже давно почувствовал желание поведать свое горе «ласковому батюшке». К этому располагало доброе лицо батюшки и особенно его глаза – умные, серьезные

и как будто грустные, а между тем так и искрившиеся лаской и теплом. Такие люди спрашивают о чужом горе не из любопытства.

– Под суд я попал, – начал отец Павел, – повенчал без документов... Дело, видите ли, такое вышло – пришли ко мне парень с девушкой. Повенчай, мол, нас, батюшка, я сирота, и она сирота, на фабрике тут недалеко вместе работали... грех попутал, а хочется, чтобы по-законному, по-Божиему было, да вот беда – документов у нас нет. Она у тетки жила, сбежала, и паспорта нет, а у меня просроченный, отослал заменить, да по сей час чтой-то не высылают.

«Да как же вы так, – говорю, – без документов ведь никак нельзя повенчать».

«А что ж, батюшка, неужели лучше так жить, без закону?»

«А это, – говорю, – уж ваше дело. Идите, откуда пришли».

Стоят, не идут; невеста в слезы, жених в ноги мне повалился... Что тут делать? Жалко стало их. Отворил церковь, позвал их.

«Ну вот что, – говорю, – что вы совершеннолетние, я и сам вижу, а вы поклянитесь мне вот пред Господом Богом и пред Пречистым Его образом, что нет между вами никакого родства».

Поклялись. Взял я да и повенчал их. Живите, мол, Бог с вами... и за венчанье даже с них не взял, потому вижу, что действительно с них нечего взять. Ну а чтобы до начальства не дошло, я ни в метрику, ни в обыск не вписывал, а просто дал им на руки удостоверение в том, что они действительно состоят в законном браке. Так бы все и вышло, да вишь ты: приятели тут у меня завелись. Разбранился как-то раз с соседним батюшкой, а он возьми да и донеси на меня в консисторию. Ну, известно... судили... следствие было... и присудили меня в монастырь, значит, на покаяние. Пошел было к архиерею, думал, смилостивится. Куда там, даже не принял. Через келейника своего передал: «Скажи, мол, этому негодяю, чтобы он и на глаза мне не смел показываться». Вот и взяла меня обида. «Коли так, – говорю, – скажи архиерею, что не только в монастырь я не пойду, айв приход не вернусь. Пусть назначает на мое место кого угодно...» Повернулся и ушел. Так и бросил место. Хотел было частные занятия какие-нибудь найти, да кому нужен заштатный священник. В работники хотел идти – не принимают: неудобно, говорят, на спину человеку в рясе куль с мукой наваливать... Вот и маюсь я. Надумал в чужой епархии места поискать, авось найдется где-нибудь с доброй душой архиерей... войдет в положение. Еду вот к здешнему архиерею; добрый, говорят, да, видно, уж моя такая неудача: по пути узнаю, что его и дома-то нет. Перевели... и на место его ждут нового. Что, как пришлют какого-нибудь владыку-недотыку, и опять майся... а дома семья... скоро и зубы на полку придется класть. Ну как тут не запить?

– А знаете что, – сказал, оживляясь, батюшка, – я бы на вашем месте тоже так поступил. Не дело священника делать предбрачный обыск и свидетельствовать документы врачующихся. От исправности документов не прибавится благодати Божией, равным образом как и неимение их не может послужить препятствием к получению благословения Божия. Брак был и в первые века христианства, когда и понятия не имели ни о метриках, ни о наших обычных брачных обыскных книгах. Другое дело, если бы вы повенчали несовершеннолетних. Это был бы грех великий, потому что вы священнодействие брака превратили бы в пустое призывание имени Божия. Благодати в Таинстве не было бы. Это все равно что молиться об исцелении от болезни уже умершего человека, то есть совершать Таинство елеосвящения над трупом. Венчая несовершеннолетних, вы нарушаете закон природы, по которому в брак могут вступать только лица, достигшие известного возраста, физической зрелости. А ведь закон природы, как и законы нравственные, тот же Закон Божий. Бог установил и те и другие. Понимаете, какая получается бессмыслица: с одной стороны, вы нарушаете Закон Божий, с другой стороны, просите Бога, чтобы Он дал благодать исполнить этот нарушенный закон. Конечно, благодати Божией не получается, и вместо Таинства совершается профанация его. И состоящих в родстве нельзя венчать, почему, это вы и сами знаете.

Итак, греха вы не сделали. Правда, за несоблюдение формальностей вас постигло наказание, но разве его нельзя было перенести, хотя бы ради той радости, которую вы доставили повенчанным. Поди, обрадовались... благодарили вас...

– Еще как! На днях еду на пароходе... пристань... Купить мне надо было кое-что из съестного. Сошел на пристани и протискиваюсь к торговкам. Слышу вдруг: «Здравствуйте, батюшка, не угодно ли яблочков, возьмите». – «Отчего, – говорю, – не взять, а почем отдашь?» – «Что вы, батюшка, – говорит, – с вас разве можно... вы так возьмите. Да нетто вы не узнаете меня?» Всматриваюсь: ба! Да это моя невеста беспаспортная-то. «Ну как, – говорю, – живете?» – «Слава Богу, – говорит, сама смеется, радостная такая, – сыночка, – говорит, – Бог дал». – «Ну что же, дай Бог счастья!» – «Спасибо, батюшка, а яблочков-то возьмите, уж не побрезгуйте». Тычет мне в руки все свои яблоки вместе с корзиной. Что делать? Взял. После всю дорогу почти всех пассажиров угощал ими...

– Ну вот, видите... а вы запивать стали. Бороться надо с горем, да Богу молитесь поусердней. Молитва бодрит человека, освежает его ум, а человек со свежими силами всегда себе выход найдет. У вас добрая душа, силы есть. Так не губите же себя и других. Ну, кажется, мы уже подъезжаем к городу. Скоро нам сходить... Я тоже в первый раз сюда еду. Недавно только получил назначение... Вот что – вы зайдите ко мне в городе, моя квартира будет рядом с кафедральным собором. Мы еще поговорим с вами. Может, что-нибудь и придумаем. А теперь пока прощайте. Надо собираться.

Батюшка встал, подал руку отцу Павлу и трижды облобызался с ним.

– Прощайте, – смущенно говорил отец Павел. – Спасибо вам за доброе слово, и простите меня... Я не знал, что вы такой...

– Бог простит, – улыбнулся батюшка и скрылся в каюте.

Пароход причаливал к пристани. Отец Павел завязал в узелок свои вещи и стал у сходней. Через несколько минут показался и батюшка. Он шел в сопровождении другого священника, на груди которого красовался наперсный крест. Протискавшись через толпу, оба батюшки взяли извозчика и покатили в город. Поплелся вслед за ними и отец Павел.

Глава вторая

Прошла неделя. Отец Павел все никак не мог собраться с духом, чтобы пойти со своей просьбой к архиерею. Из газетных известий он вычитал, что новый архипастырь уже приехал и вступил в управление епархией. «Каков-то он из себя? – с тревогой думал отец Павел. – Что, как не примет или скажет: поезжай, мол, туда, откуда приехал».

Наконец отца Павла осенила мысль предварительно расспросить кого-нибудь об архиерее. Он вспомнил, что в городе, где-то на окраине, служит священником его бывший товарищ по семинарии отец Герасим. Не разыскать ли его, да поговорить с ним. Вероятно, что-нибудь да знает про архиерея. И, заперши свою каморку на постоялом дворе, где он остановился, отец Павел пошел отыскивать своего бывшего товарища. Разыскать того батюшку, который познакомился с ним на пароходе, отцу Павлу помешала его природная застенчивость. «Правда, ласковый он, добрый такой и смиренный, – думал про батюшку отец Павел, – шляпу мою поднял... А я думал, что он гордец какой-нибудь; а все-таки городские они, как к нему пойдешь в гости-то, да еще в таком виде?» Отец Павел грустно поглядел на свою поношенную, порывевшую рясу. Лучше уж к отцу Герасиму. Этот все-таки когда-то был свой человек.

Искать долго отца Герасима не пришлось. Как только отец Павел вышел на окраину города, первый же встречный, услышав имя отца Герасима, тотчас же указал улицу и его квартиру и даже любезно проводил его. Отец Павел заметил, что встречный как-то особенно любовно произносил имя отца Герасима.

– Вы не его ли прихожанин будете? – спросил он своего проводника, стараясь догадаться о причинах его уважительного отношения к отцу Герасиму.

– Нет... Я ничей... ночлежник... хулиган, как теперь еще нас зовут, а только отца Герасима здесь все знают. Пожалуйте, вон его квартира... До свидания.

«Ночлежник» повернулся, а отец Павел постучался в дверь указанной квартиры. Звонка он не нашел.

– Пожалуйте, кто там? – послышалось из-за двери. – Толкните дверь посильней, она не заперта.

Отец Павел толкнул дверь и сразу очутился в комнате. Быстро окинул ее взглядом и остановился в недоумении. Голые стены. Возле одной – кровать, возле другой – шкаф, сверху донизу наполненный какими-то склянками. Несколько деревянных стульев и возле окна простой письменный стол, заваленный книгами. За столом, сильно сгорбившись, с книгой в руках сидел отец Герасим. Он очень похудел и постарел. Отец Павел не сразу узнал в нем своего бывшего товарища. Увидев вошедшего священника, отец Герасим поднялся и приветливо заговорил:

– Пожалуйте, пожалуйста, милости прошу садиться. Батюшки! Да никак Павлуша... Это ты, голубчик... Какими судьбами?

Отец Павел не сразу нашелся что ответить. Товарищески обняв отца Герасима и трижды поцеловавшись с ним, он грузно опустился на стул и еще раз с недоумением осмотрел комнату. Глаза его чего-то искали.

– Ты что же это... Как это так... Что же это значит? – растерянно заговорил он наконец. – Неужели... – Отец Павел не закончил вопроса.

Отец Герасим догадался, о чем спрашивал его отец Павел. Грустная тень пробежала у него по лицу.

– Ты, вероятно, насчет моей холостяцкой квартиры? Думай дальше... Вывод правильный получишь. Эх, Павлуша, помнишь, еще в семинарии вы звали меня неудачником. Горе пророчили. Верно вышло. Одна радость была у меня, и ту схоронил... рядом с ней дочку уложил. Теперь вот живу бобылем. Но зачем об этом? Зачем тревожить рану? Ты лучше о себе что-

нибудь расскажи. Ведь сколько лет, сколько зим не видались. Да как ты в наш город-то попал? Да ты где служишь, как поживаешь? Есть жена, дети?

Отец Герасим сыпал вопросами, но отец Павел и не думал ему отвечать. Молча сидел он на стуле. Ему вспомнились слова батюшки на пароходе: «Носимся со своим горем и не думаем о том, что у другого, может быть, еще большее горе». Что значит его горе в сравнении с горем товарища. Он здоров, у него жена молодая, полная сил. А каким счастливым чувствовал он себя, когда, бывало, четверо детишек облепят его кругом, понасядут ему на колени. Взыдут на плечи – все такие здоровые, шаловливые. Ведь только жить бы да радоваться. Отец Герасим лишился всего этого, а живет же... И отцу Павлу стало вдруг стыдно за свое малодушие. Скомканно и уже не с тем одушевлением, с каким рассказывал он батюшке на пароходе, передал он свою историю отцу Герасиму.

– Ну, не унывай, – сказал отец Герасим, – дело поправимое. У нас теперь новый архиерей, довольно оригинальный и, кажется... многообещающий... Может, он и совсем с другой точки зрения посмотрит на твой поступок.

– А я вот, собственно, за этим и зашел к тебе: расспросить, каков он у вас?

– Как тебе сказать... Видал я его: ходил тоже в собор на встречу. Сразу не узнаешь человека. А только преоригинальный господин. Я этаких еще не видывал. Это какой-то неслыханный архиерей. Про «встречу»-то его и теперь еще сколько разговору по городу идет. Слышал, чать?

– Нет, не довелось: я ведь с недельку как приехал сюда.

– Да и он-то всего с недельку. Прошлую пятницу получили телеграмму, что едет, мол, на пароходе, завтра-де у вас будет. Собрались все наши отцы в собор. Облачились, люстру зажгли. Приготовились. Все как следует. И из публики кой-кто пришел. На пристань карета покатила. Расселись отцы в алтаре. Ждут-пождут, когда это на колокольне затрезвонят, а тем временем разговоры всякие промеж собой ведут, все больше про архиереев. Тут один батюшка-шутник анекдот еще какой-то рассказал, и так это у него смешно вышло, что протодиакон как стоял возле архиерейского кресла, так и грохнулся в него. Сидит хохочет: в правой руке кадило, а в левой – дикий. Тут уж все с протодиакона хохотать стали. За разговорами да за хохотом и не заметили, как в алтарь вошли двое каких-то батюшек, а может, кто и заметил, да внимания не обратил: мало ли заходит в алтарь чужих батюшек? Вошли батюшки чинно, помолились, приложились ко святому престолу: один, с наперсным крестом на груди, стал этак в сторонке, в руках жестяную коробку держит, в которой, знаешь, камилавки носят, а другой стал собор осматривать, оглядел алтарь, пошел дальше: тут боковая дверка есть в алтаре, за ней маленький коридорчик прямо в церковную сторожку ведет. Туда все, бывало, отцы покурить забегали, а так как архиерея пришлось ждать долго, то народу там перебивалось порядочно. Дым стоял коромыслом. Батюшка прошел прямо туда. Вдруг слышим, к собору карета подкатила, а трезвону нет. Что бы это значило? Глядим, идет кафедральный и прочие отцы, что ездили на пристань встречать владыку, и больше никого. «Нету, – говорит кафедральный, – не приехал. А я было страху набрался. Подъезжаем к пристани, а пароход уже стоит. На целый час раньше расписания пришел. Ну, думаю, беда: гляжу – никого. Я к капитану. “Никакого, – говорит, – архиерея не видал. Вероятно, в телеграмме что-нибудь напутали”». Стопились отцы в кучку, решают вопрос: как же быть? А в это время тот батюшка из алтарной дверки выходит и прямо к архиерейскому месту... стал на орлец и верхнюю рясу с себя снимает. Тут уже все обернулись на него. Снял батюшка рясу... глядь, а у него на груди панагия... Тут другой батюшка подошел к нему, открыл жестянку и подает ему кlobук. Надел он кlobук, перекрестился, благословил всех да и говорит: «Мир вам, отцы и братия! Спасибо, что потрудились, пришли сюда встретить меня». Стоят отцы и братия, глазами хлопают: больно уж неожиданно все это вышло. А владыка между тем продолжает: «Было, – говорит, – мирное время на Руси, когда высоко чтилась святая вера православная, высоко чтились тогда и архиереи. На церковный трезвон сбе-

гался весь народ с великою славою встретить своего архипастыря. Теперь не то: упало благочестие в народе, а интеллигенция наша и совсем отшатнулась от Церкви. Грядут дни великого испытания для верных чад Церкви, для ее пастырей и архипастырей. И не о славе теперь уже надо думать: наступило время, когда архиереям надо снять с себя митры золоченые, знаменующие славу Иисуса Христа, и надеть венцы терновые, ибо не славится, а больше хулится имя Господне среди народа. Смутные дни переживает Россия; везде волнения, увеличиваются грабежи, убийства, разбои. Тайна беззакония деется, растет и ширится с каждым днем, с каждым часом. Кому же и восстать на брань со злом, как не нам, пастыри словесного стада Христова! Ведь наша-то брань и есть именно борьба с властями и миродержателями тьмы века сего, с духами злобы поднебесными. Дружно же возьмемся за тяжелый труд, братия. Впереди нас Сам Пастыреначальник Господь наш Иисус Христос. Его имейте всегда перед своими глазами. О Нем помните непрестанно: каждую минуту, каждую секунду. Говорю это к тому, что вот вы, например, собрались встретить архиерея, а про невидимого великого Архиерея и забыли. Здесь святой престол Его, а вы анекдоты всякие рассказываете. Здесь жилище Божие, присутствие чистой, таинственной благодати Христовой, а у вас по соседству смрадный дым табачный. Не в укоризну вам говорю сие горькое слово правды, а просто отмечаю факты, как часто отвлекаем свои взоры и мысли от Архиерея Небесного и устремляем их на архиерея земного. Много и других неурядиц у нас. Кто виноват в них? Не время теперь заниматься этим вопросом. Становитесь все – правые и виноватые – за святую работу, за возделывание нивы Божией. Вы посмотрите, что только делается здесь на этой ниве... Исполняются слова пророка Исайи: *Бродят люди по земле жестоко угнетенные и голодные, во время голода злятся, хулят царя своего и Бога своего...*¹ Много и долго говорил владыка. Хорошо говорил... Под конец попросил всех помолиться с ним перед началом его служения на новом месте... Тут только опомнились отцы, стали подходить под благословение, поздравлять с прибытием... Отслужили молебен. Разоблачился владыка, надел опять свою ряску да и марш с амвона. Тут к нему кафедральный с ключарем подскочили, на ступеньках подхватили его под руки, а он им: «Не беспокойтесь, – говорит, – я не беременный». Схватил сам одного да другого под руки и потащил их перед собой. «Ну, – говорит, – показывайте, где тут моя квартира, а вас всех, отцы и братия, прошу ко мне пожаловать в воскресенье вечером на чай...» Да, оригинальный архиерей... – закончил свой рассказ отец Герасим.

Немного погодя он снова начал:

– В прошлое воскресенье владыка служил в соборе. Нарочно сходил посмотреть на его служение. Хорошо служит. Голос у него такой сильный, звучный, так по собору эхом раскатывается. Собой представительный, а в полном архиерейском облачении еще лучше выглядит. Как пойдет по собору кадить – любо смотреть. Осанка прямо царская... Завтра тоже он служит тут в монастыре. Сходи посмотри, если есть желание... – предложил отец Герасим своему гостю.

– Я и сам думал: прежде чем идти к архиерею с просьбой – взглянуть на него где-нибудь со стороны. У меня глаз на этот счет верный. Понравится – пойду, не понравится – не пойду: все равно толку никакого не будет.

Стук в дверь прервал разговор приятелей.

– Пожалуйте, кто там? – ответил на стук отец Герасим.

Дверь открылась, и в нее просунулась всклокоченная голова какого-то оборванца.

– Батюшка, а вы обещали к нам зайти, так не забудьте.

– Сейчас, сейчас, иду, – заторопился отец Герасим. – Ну, Павлуша, ты меня пока извини; я тут побегаю по одному дельцу. Ты ведь у меня ночуешь? Да ты где ж остановился? На посто-

¹ Ис. 8:21.

ялом? Зачем же? Ты переезжай ко мне... Сейчас же... Ладно? Поживем вместе, пока твое дело решится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.